

Семь трансформаций понятия «социализм»

Поговорим о трансформации социализма. Не того социализма, который хорошо помнят российские граждане старшего поколения. Поговорим о трансформации смысла, который вкладывался в это понятие, смысла, устремленного в будущее.

Партийной коммунистической агитацией я здесь не занимаюсь, а привлекаю внимание научной общественности к тому, что то, что в былую эпоху официально считалось чуть не главной ценностью, может быть, в ближайшем будущем снова станет первой ценностью.

Рассмотрим несколько главных составляющих понятия «социализм».

1. «Пролетарии – соединяйтесь!». В советскую эпоху это словосочетание стояло в правом верхнем углу всех партийных изданий, люди к нему привыкли, изначальный смысл во-многом потерялся. Но, на самом деле, это важнейший вывод первоначальной марксистской революционной практики и указывал он на достаточное условие победы в классовых битвах. Напомню известные пассажи. Государство есть совокупность институтов принуждения, а в классовом обществе, по марксизму, институтов классового принуждения, призванных сохранить власть капитала над классами трудящихся. Соответственно, полиция, армия, госбезопасность, тюрьмы и т.д. и т.п. противостоят пролетариату, если он начинает отстаивать свои права. Эта сила заведомо больше силы восставших рабочих и, на первый взгляд, революционное движение должен сопровождать глубинный пессимизм. Оказывается – нет, есть открытие, дающее оптимизм революционерам, это клич «Пролетарии – соединяйтесь!», пролетариат объединенный – сильнее машины принуждения классового государства.

Почему сегодня актуально говорить о том, что, казалось бы, уже век назад стало раритетом? Ведь еще в XIX веке выяснилось, что словосочетание «Пролетарии – соединяйтесь!», которое легко поставить в виде эпиграфа в партийной брошюрке, очень трудно реализовать. Более того, совокупность практических решений – как конкретному поколению революционеров удавалось на практике соединить пролетариев – задавала спектр разных политических течений коммунистов и социал-демократов множества стран в течение полутора веков, некоторые из этих течений даже взаимоисключали друг друга.

И что же произошло сегодня? Чисто техническая возможность – Интернет – до обидного легко (без многодесятилетней внутрипартийной борьбы) соединила

пролетариат, как, впрочем, и вообще все слои населения. Однако в той части, где марксизмом был дан верный анализ капиталистического общества и перспектив его перехода к социализму, нельзя не видеть: оказалось выполненным одно из главных условий, что объективно приближает человечество к социализму. Кстати, прокатившаяся недавно волна свержений правящих режимов в странах Ближнего Востока и Северной Африки подтвердила: всюду Интернет оказался чуть ли не главным средством консолидации протестующих.

2. Конституционное приближение социализма. Современное конституционное строительство уже не является делом юристов конкретной страны. После второй мировой войны огромное количество юристов разных стран, имевших специализацию «государство и право», включились в коллективный международный научный поиск эталонного конституционного текста, его блоки сейчас даже просто обозначаются буквами – А,В,С,Д и т.д. Конкретная страна, задумавшая сегодня написать свою конституцию, может, как из кубиков, собрать из этих блоков почти идеально выверенное несколькими поколениями юристов конституционное текстовое полотно. Так произошло и с нашей страной в 1993 году (если, правда, опустить эпизод, когда после стрельбы по Белому Дому Ельцин единолично и волюнтаристски внес изменения, касающиеся усиления президентской власти, в текст, уже вынесенный для всенародного голосования, т.е. сделал то, чего делать было нельзя).

Так в Конституции РФ появилось определение – «социальное государство». Почему-то сплошь и рядом приходится сталкиваться с недопониманием смысла этой формулировки. А дело упирается в функции государства. В былые времена они сводились просто к охране границы (см. картину Васнецова «Три богатыря»). Современные функции государства вчерне комплектом сложились уже примерно во времена Чехова, сейчас они, разумеется, значительно более содержательные и разветвленные. Но принципиально новых функций почти не появилось, за исключением, пожалуй, двух – социальное государство (конец XX века) и совсем новая функция (последнего десятилетия) – перевод экономики и всего общества на инновационные рельсы.

Что это за функция – быть социальным государством – и чем она вызвана? Это – ответ конца XX века на марксистский вывод середины XIX века о том, что отношения мира капитала и мира наемного труда являются антагонистическими, сосуществование невозможно, один из классов должен быть уничтожен. Сегодня мы знаем, к каким неисчислимым жертвам привело следование данному теоретическому выводу. Но дело не в том, что марксисты

полтора веков назад были такими «плохими», а в том, что капитал своего первоначального периода становления задал такое (бесчеловечное) отношение к людям труда и так настаивал на этом отношении в принципах государственного устройства, что людям той эпохи иначе и не виделось: неизбежно уничтожение одного класса другим.

Следовательно, чтобы человечество могло развиваться дальше, должен быть тот, кто берет на себя ответственность за нейтрализацию впредь антагонистических классовых отношений в обществе. Это – государство, оно в формуле «социальное государство» берет на себя обязанность дать сполна «и нашим, и вашим», т.е. чтобы капитал увидел в Конституции для себя свободу частной собственности и рыночной конкуренции, а трудящиеся массы увидели в Конституции перспективы защиты их прав так, как будто победила социалистическая революция. Соединение несоединимого! Это не благое пожелание государству быть эдакой «крышей» для противостоящих сторон, а единственно возможный вывод из полтора веков классовой борьбы и массовых жертв на нескольких континентах.

В скобках отметим, что подавляющее число российских чиновников, в том числе высшего уровня, либо легкомысленно относится к функции «социального государства», либо вообще об этом ничего не знают, в результате данная функция исполняется плохо, в современной России очень много провалов именно «социального государства», и в большой степени это отозвалось в протестных настроениях во время выборов-2011 (4 декабря) и после них.

В любом случае конституционная формула «социальное государство» объективно очень сильно приближает всех нас к социализму.

3. К социализму приближают так называемые «провалы рынка». Есть серьезные работы экономистов, анализирующие и классифицирующие «провалы рынка», т.е. такие участки жизни общества, где рынок либо не справляется, либо вообще за них не берется. Таких участков очень много, при этом все, чего не делает рынок – должно исполнять государство, и это просто удивительно, что несмотря на всю очевидность такого положения, в начале 90-х торжествовали монетаристы, утверждавшие, что рынок все отрегулирует.

Для иллюстрации приведем два простых примера «провалов рынка».

За проекты окупаемостью более 20-25 лет бизнес вообще не берется, это дело государства. Но такие проекты – есть перспектива государства, т.е. нечто

первостепенное! К сожалению, за последние двадцать лет монетарная логика очень сильно навредила РФ в сфере принятия решений, в результате, у нас государство также почти не берется за эти проекты. А это, обращаем внимание, крупнейшие отрасли, в том числе, например, металлургия, транспортные, энергетические системы, это освоение месторождений (к примеру, зона БАМа брошена, а она вся есть средоточие уникальных месторождений). И это вообще вся программа освоения Сибири, Дальнего Востока, а также всех «северов». Масштабы задач таковы (и все они относятся к государству), что в сопоставлении с ними монетарный сектор может занять лишь очень скромное место.

Перевод страны на инновационные рельсы. Эта задача – почти в чистом виде – «провал рынка». Но отмахнуться от нее нельзя, это не благое пожелание, а жесточайшая необходимость, поскольку группа государств-лидеров в инновационном развитии в ближайшее время лишит суверенитета все остальные государства без единого выстрела, просто за счет фантастического перевеса сил, который дает научно-техническое преимущество.

То, что эта задача относится к государству и лишь в мелких секторах, и то в перспективе, может фрагментарно относиться к бизнесу, очевидно из самой принципиальной схемы. В XX веке то, что идею ученого подхватывал исследователь-прикладник, а его разработку подхватывало производство – было делом случая, часто это вообще определялось личными знакомствами. Соответственно, огромное число идей ученых и технологических разработок пропадали без всякого использования. То, что было самым слабым местом в веке XX-м становится самым сильным местом в веке XXI-м. Должен быть дирижер, который берет на себя функции организатора, спонсора, информационного конвейера, законодательного сопровождения, подготовки кадров и т.д. по всей цепочке: наука-технологические разработки-производство (на самом деле, сюда входит и звено «образование»), чтобы все звенья во взаимосвязи на финише обеспечили прибыль, а затем поделились справедливо этой прибылью по цепочке в обратном направлении. Ни один субъект рынка за эту задачу браться не будет (на рынке каждый сам за себя), таким дирижером может быть только государство.

Мы видим, таким образом, что капитал в его марксовом понимании в современной жизни общества оказывается отнесен в очень скромные ниши экономики, а главенствующие функции в обществе начинают играть иные регуляторы жизни общества, вообще не предусмотренные в марксовом учении. Означает ли это приближение социализма – еще вопрос, но то, что это

однозначно означает уменьшение капитализма, отнесение его на вторые роли – бесспорно.

4. Суперкомпьютер чреват возвращением Госплана и командной плановой экономики. Вспомним, когда гайдаровская волна в течение месяца с воодушевлением ликвидировала около сотни министерств (половина союзных, половина – российских республиканских), главный аргумент, который тогда казался реформаторам абсолютно убедительным, был такой: нельзя же в Москве, в Госплане, определять, сколько гвоздей или галош надо производить на Сахалине.

Тогда все, в принципе, согласились – действительно, нельзя, действительно, это пример «советского абсурдизма». То, что нерациональность, затратность и кризисность рыночных конкурентных механизмов означает почти такой же «абсурдизм» – также было очевидно, но думалось, что плановый советский абсурд переплюнул абсурд рыночный.

И сегодня можно с чистым сердцем тот спор списать в архив навсегда, поскольку он разрешен суперкомпьютером. Единица мощности современного суперкомпьютера – петафлопс, что означает тысячу триллионов операций в секунду. В Китае есть суперкомпьютер мощностью 5 петафлопс, в США – 2,5 петафлопс. В России только что создан суперкомпьютер 100 терафлопс (что в десять раз меньше, чем петафлопс), однако россиянами предложен настолько новаторский подход, что американцы, китайцы и др. побросали свои направления и устремились за российскими учеными.

Для иллюстрации – что делает суперкомпьютер? Если летит самолет, суперкомпьютер способен обчислять все молекулы процесса – все молекулы газа, обтекающего фюзеляж и крылья, все молекулы металла корпуса самолета, все молекулы процессов в турбинах и т.д. Впервые в истории человек уже не моделирует процесс, а воссоздает его (как будто он – Всевышний!).

Для суперкомпьютера обчислить (причем, не в статике, а в динамике!) рациональную экономическую плановую модель, из которой бы точно следовало, сколько гвоздей и галош надо производить не на Сахалине только, а и в любой другой точке огромной страны – «левое» дело. В ближайшее время суперкомпьютер властно затребует себе место в государственном управлении и какое по скромности место останется гайдаровскому монетаризму – большой вопрос.

5. Финансовый социализм. Эта тема хорошо изучена во время только что произошедшего мирового финансового кризиса, поэтому говорить развернуто – излишне. Есть два явления в финансовой спекулятивной экономике. Во-первых, любые ценные бумаги, которые являются чьими-то обязательствами, становятся товаром, и, таким образом, число этажей производных над реальной экономикой множится, они все участвуют в купле-продаже, превосходя реальную экономику в двадцать раз. Возникает шаткая конструкция, которая обязательно время от времени будет рушиться, одновременно парализуя реальную экономику и нанося цивилизации максимальный вред. Человечество уже ввело бы меры жесткого «социалистического» управления в финансовой сфере, дабы уберечь миллиарды населения от этой спекулятивной чумы, но останавливает то, что реальные президенты стран – фигуры, многократно менее влиятельные, нежели бароны финансово-спекулятивного рынка.

Во-вторых, эволюционирует потребительский рынок. На начальных этапах индустриализации (до конца второй мировой войны) главной фигурой был производитель, производственник, владелец (директор) завода. Затем, когда товарной массы стало достаточно, главной фигурой стал сначала торговец, затем – специалист по маркетингу, т.е. главным стал тот, кто мог «всучить» товар потребителю, даже если тому не очень нужно. Но и эта эпоха уходит: сейчас главной фигурой становится финансист, который вручает потребителю кредит, чтобы тот купил товар. Т.е. в масштабах планеты стал потребляться товар, купленный на незаработанные деньги. Разумеется, это пирамида, которая неизбежно лопается. Безответственность отдельного субъекта финансового рынка, образно говоря, ставит человечество на табуретку к петле. Ясно, что у человечества в целом найдется воля обуздать финансовый произвол и по содержанию это будут социалистические действия.

6. Меняются те, для кого социализм. В XIX и в XX вв. думали, что это естественно: в данной стране романтически настроенные борцы за права трудящихся десятилетие за десятилетием неустанно создают партийную структуру, затем, в момент «революционной ситуации», когда протестное движение охватывает большинство трудящихся, так подготовленная партия возглавляет народное движение, устанавливается диктатура пролетариата и затем партия, становясь массовой и воспитывая своих членов в социалистическом созидании, ведет все общество к развитому социализму. Сегодня видно: эти представления были наивными. Достаточно в одной стране этим романтически настроенным борцам за права трудящихся добиться всего

лишь одного существенного шага преобразований в своей стране в пользу трудящегося большинства – и сразу же сюда приедут со всей планеты десятки миллионов трудящихся (гастарбайтеров) претендовать на это завоевание. Тут вся ситуация состоит из парадоксов. Наиболее полная формулировка социалистического движения – это борьба за достоинство человека труда, а приезжают десятки миллионов трудящихся, которые прямо-таки настаивают, что никакого достоинства у них нет и они на него не претендуют. Они готовы жить без прав, без защиты законом, без гарантий медицинского обслуживания, вповалку спать в подвалах или полуподвалах часто в антисанитарных помещениях, со статусом «негражданина», но лишь бы в своей стране не сражаться с ханом, баем, султаном за достоинство человека труда. Сейчас этим парадоксальным явлением, буквально перечеркивающим всю предыдущую модель марксистско-ленинского социализма, охвачены большинство европейских стран и Россия.

7. Уже посчитано, что с развитием науки, техники и технологий из 7 миллиардов людей, проживающих сейчас на планете, работать, чтобы что-то производить и этим обеспечить все население Земли, достаточно будет 250 миллионам. То есть, если остальные 6 миллиардов 750 миллионов и будут заняты трудом, то трудом не производительным, а трудом в сфере услуг, административной сфере, науке, культуре, образовании и т.д. Но в любом случае, то, чем они будут заняты, нельзя будет назвать капиталистическим производством, это будет нечто иное. Какой-то по-новому понимаемый социализм.

Итак, вывод: социализм очень быстро приближается, фактически можно утверждать, что социализм уже наступает на планете Земля, но по всем основным составляющим понятия «социализм» это нечто иное, нежели то, что было в СССР в XX веке.

Декабрь 2011

Сергей Шаракшанэ

к.ф.н., первый зам. главного редактора
«Российской философской газеты»,
пресс-секретарь Президиума РАН

e-mail: sash_50@mail.ru